

Классика для современной публики

Арзамасский театр драмы открыл новый 83-й сезон премьерой очень современной комедии в двух актах, написанной в 1781 году Денисом Ивановичем Фонвизиным «Недоросль».

Кажется, что «Недоросль» давно и прочно в нашем не только культурном, но и генетическом коде. Уж его-то читали все, и не только знают об избалованном лентяе-бездаре Митрофанушке и его деспотичной матери, но и изобилиуют афоризмами из нетленки, наверняка забыв, что автор этих жгучих фраз – Фонвизин.

Премьерный спектакль поставил заслуженный артист РФ, главный режиссёр драматического театра «Колесо» им. Г. Дроздова (г. Тольятти), номинант Российской Национальной театральной премии «Золотая маска» и многих других наград и званий, **Вадим Валерьевич Романов**.

О самом режиссёре, его видении театра, профессии актёра, о преемственности поколений, о премьерном спектакле и его актуальности во все времена поговорили с нашим гостем.

– Вадим Валерьевич, какой такой навигатор, из какого угла России привёл вас в наш город? Навигатор правильно выстроил маршрут?

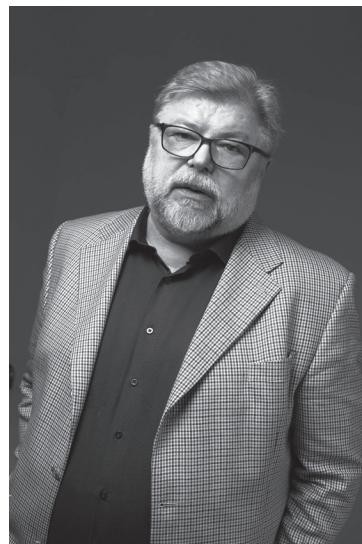
– Навигатор не ошибся. Всё было замечательно, потому что Александр Валерьевич, как мы шутим, мой младший брат, я ведь тоже Валерьевич, ставил у нас в Тольятти, в театре «Колесо» им. Глеба Дроздова спектакль. Даже меня задействовал в эпизоде. С удовольствием играю в этой постановке. Тогда мы и договорились.

Режиссёру интересно приглашать проверенных постановщиков, а уж куда больше, чем я проверенный (смеётся): седьмой десяток уже, заслуженный артист всей Руси, восемьдесят с лишним спектаклей поставил, к тому же и художник-постановщик. Сошли на «Недоросля» Фонвизина. И вот через год я – у вас. Рад встрече с новым театром. Труппа оказалась очень хорошая, цеха замечательные! Всё как надо, работают чётко и слаженно. Чувствую, что я попал в классный часовой механизм. Навигатор оказался с правильными настройками.

– Вы и художник-постановщик, и режиссёр-постановщик – два в одном. Талантливый человек талантлив во всём?

– Да, способный артист способен на всё (смеётся). За плечами у меня художественная школа, оформление спектаклей в юношеском театре-студии «Гротеск», в институте, международные фестивали театрального плаката, выставки, 80 с лишним спектаклей, которые я оформил как художник-постановщик. Жажда рисования и образное мышление меня ещё ни разу не подводили. Все дипломные спектакли в Воронежском государственном институте искусств, который я окончил у народного артиста РФ Г.Б. Дроздова, создал как художник-постановщик. А сейчас служу в Тольятти в театре «Колесо», который носит имя моего учителя. Это так здорово. Вот вы начали с навигатора, наверное, он правильный по жизни, водит по одной дороге с мэтрами.

Как режиссёр-постановщик 40 лет делаю праздники Победы. В 85-м году в армии написал сценарий и поставил первую программу к празднику Победы в Ярославском гарнизонном доме офицеров, мы её даже играли в Москве. Я – рядовой Романов вместе с полковником Лисовским вёл в

– «Недоросль» – это ваше предложение или запрос театра?

– Александр Валерьевич спросил, что я могу поставить. А школьная программа на сцене, её воплощение – это всегда хорошо и правильно. Порывшись в своём багаже, предложил данный материал, что было воспринято благосклонно, потому что это удивительно современная пьеса, написанная в 1781 году Денисом Ивановичем Фонвизиным.

– Невероятное очарование русского слова, русской провинции останется в спектакле, будут выражения, которые требуют осовременивания, или через действие, мимику всё понятно?

– Останется, останется. Почему? Потому что державинский язык отличается от языка Пушкина. Это мы все прекрасно осознаём. Денис Иванович писал раньше Александра Сергеевича, значит, он ещё писал тем официальным русским языком. Подкорректировали совсем немного, но музыка языковая остаётся. Язык понятен.

– По первой профессии вы – актёр, артист. Если была бы возможность сыграть в этом спектакле, какую роль забрали бы себе?

– Я – острохарактерный артист. В моей жизни есть несколько серьёзных ролей, таких как Платонов, Гамлет, Царевич Алексей, но всё равно я острохарактерный артист, поэтому дурака валию. Конечно, хотел бы сыграть Митрофана, но возраст уже не позволяет (смеётся). Скотинина был ещё потянут, потому что это – классно! А так, в принципе, я достиг уже той степени умиротворённости, наверное, ума, интеллекта, что могу рассуждать. Стародум. Не Правдин, Стародум. Правдин немного моложе, но такой же. Это самое сложное амплуа – резонёр.

– Вы очень много снимаетесь в кино, сериалах. Я ошибаюсь или действительно отрицательных ролей больше, чем положительных. С чем это связано? Вы – человек-праздник, человек-жизнь, человек-огонь, человек-фейерверк. А роли...

– Давайте начнём издалека. Дурак может сыграть дурака? Никогда. Только умный может сыграть дурака. И потом, каждому режиссёру хотелось усложнить экранные образы, своеобразные перевёртыши. Поэтому все мои злодеи чертовски обаятельны, улычивы, а в результате – все с глубиной. Экранное обаяние должно немножко обманывать.

– Всё-таки, душа к чему больше тянется, к театру или кино?

– Наша профессия в дипломе называ-

ется Артист театра и кино, драматического театра и кино. Это неразрывно, но подходы различаются, это две разных ипостаси актёрских – кино и театр. В кино используют то, что ты умеешь. А в театре можно развиваться. Театр – это вечный поиск, вечная дорога. На экране уже застывшее мгновение. В театре же каждый спектакль новый, по-разному звучит. Допустим, дочка родилась, я иду радостно на сцену и невольно несу в себе этот свет. Или случилась трагедия, а я всё равно работаю, потому что наша профессия не предполагает отдыха, и эта грусть даже в весёлых сценах может проскользнуть.

Кино приносит больше денег. А театр больше удовлетворения душевного. Театр форматирует тебя по характеру человеческому. И, собственно говоря, кино пользует всё время театр. В театре научили, а в кино использовали. Причинно-следственные связи в этом и заключаются. Мне так кажется.

– Лев Дуров как-то сказал: «Профессия актёра мало чем отличается от профессии шахтёра».

– По степени эмоциональной и физической нагрузки. Если ты на все сто процентов отдаёшься роли. Обратите внимание на роль Платонова (по А. Чехову). Сколько всего происходит. Я терял два-три килограмма за спектакль.

– Вопрос как к режиссёру театра. У вас наверняка есть мечта о конкретном спектакле. Что мечтаете поставить?

– Что бы я на сегодняшний день поставил... У меня написана инсценировка «Трудно быть Богом». Я её написал за полгода до первого ГКЧП. Очень люблю Стругацких, у меня было предчувствие, которое оформилось из их фразы: «В стране, где торжествует серость, к власти всегда приходят чёрные». Это ощущение предчувствия замысла и сподвигло меня написать инсценировку. Я успел её передать тогда ещё живому, ныне Царство Небесное, Аркадию Наташевичу Стругацкому в Питере. Он её одобрил: «Вадим, вы раскрыли нас с братом. Все остальные художники раскрывали себя на наших произведениях». Хочу, чтобы это прозвучало мюзиклом. Пока не нашёл композитора, который написал бы мюзикл «Трудно быть Богом» уровня «Нотр-Дам-де-Пари». Ведь это же великолепная история. Потрясающая. О роли интеллигенции, о роли героя в истории, о серой быдлоте, которая торжествует, забываясь о том, что они могут всё потерять, потому что внезапно приходят чёрные. Замысел не осуществлён пока.

Несколько лет назад наконец-то подошёл к Лескову. Написал инсценировку «Очарованный странник». Удивительно современная вещь. Ещё не успел её поставить, но это осуществляется, как только будет герой в театре, тот герой, который сможет сыграть Странника – человека, который очарован жизнью и идёт по жизни очарованным через всё: смерть, слёзы,

войну, любовь, нелюбовь, через мясорубку жизни, не утратив способности к очарованию.

В моём портфеле есть инсценировка «В списках не значился». Мне захотелось написать так, чтобы была сохранена вся повесть, не интерпретация. Тоже пока неосуществлённый замысел. Потому как народ странно реагирует: ну о войне... Мы что-то утратили, раньше чаще шли военные спектакли, они собирали залы и «жили» много лет. Это касается не только военных спектаклей... Даа... новое время пришло.

Сейчас исследую тему Андрея Богословского. Посмотрим, что получится...

– Самая запоминающаяся ваша работа?

– В театре – «Платонов». Первая чеховская «Пьеса без названия», работа с чешским режиссёром Иваном Раймонтом. Самая удивительная, самая большая, самая классная работа. Это было в 1997 году в Волковском театре (г. Ярославль). За эту работу я получил много разных премий, объездил с постановкой почти всю Европу. Но что ценно для меня: в Париже, где на гастролях был мой учитель Глеб Дроздов со своим театром «Колесо», на интервью при обсуждении русской культуры затронули вопрос о недавнем показе «Платонова». Парижане выделили мою работу, а Глеб Борисович, ответил, что это его лучший ученик. Вот самая запоминающаяся работа и самая высокая оценка учителя.

– Какая роль или спектакль сильно повлияли на вас? Что в профессии перевернуло ваше мировоззрение или отношение к чему-то?

– Работа над образом Ленина в фильме «Раскол». Режиссёр С.Н. Колосов за год до съёмок начал подготовку. Настолько глубоко и тщательно я ещё не работал с материалами архива, над личностью своего героя, но иначе и быть не могло, советское время диктовало свои правила и была высокая ответственность. Такой подход вошёл в мой характер. Было привито много, но так глубоко с этой роли. Да, всё пошло от Ленина.

– Какой совет дадите тем, кто хочет проявить себя в актёрской или режиссёрской профессии?

– Помнить, что это – ежедневный, ежесекундный, ежемгновенный труд, это терпение, розы редки на этом пути, но прошедшие сквозь медные трубы, всегда достигнут глубины, доберутся до вершины. Счастье, удовлетворение от работы с партнёрами – это самое главное. Если партнёр отдаёт все сто процентов своего существования, в ответ он получает то же самое, так рождается синтез совместного творчества, который называется русским стационарным театром.

– Ваш девиз?

– Всегда!

Татьяна ФИЛИНА.

Фото Арзамасского театра драмы.